

УДК 94: 373 КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-43-54

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЫМСКОЙ АССР В 1920-Х ГОДАХ

Кондратюк Г. Н.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация*

*Крымский Научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
E-mail: kondratjukkipu@gmail.com*

Проанализированы основные тенденции развития народного образования в Крымской АССР в межвоенный период. Начало 1920-х годов характеризовалось коренными преобразованиями в системе школьного образования. На смену гимназиям и реальным училищам пришли новые типы учебных заведений – советские трудовые школы первой и второй ступени. 1920-е годы стали временем масштабных педагогических экспериментов. Классно-урочная система организации учебного процесса была заменена бригадно-лабораторным методом, системой проектов, Дальтон-планом. Школа приобрела светский характер, достаточно существенно изменился состав педагогов. Одной из сложнейших проблем в работе школ выступал недостаток бюджетного финансирования. Нехватка средств привела к тому, что до третьей части детей школьного возраста находилось вне пределов учебных заведений.

Ключевые слова: Крымская АССР, школьное образование, национальные школы.

Установление Советской власти в Крыму в ноябре 1920 года обусловило коренную реорганизацию системы школьного образования. Это отразилось не только в изменении названия школ, учебных планах и программах, сроках обучения и в составе преподавателей, но и в методологической основе, мировоззренческой концепции в педагогике, понимании и толковании роли школы в жизни общества. Указанные изменения в школах происходили в условиях колоссальных социальных катаклизмов общества того времени, в условиях военных действий первой мировой и гражданской войны, упадка общественной морали, наблюдалась девальвация ценностей образования и воспитания. После установления советской власти дело руководства народным образованием возглавляет Ревком Крыма, в частности в его структуре образуется Наробраз. В имперский период в развитии образования основной акцент был сделан на развитии гимназического среднего образования, являвшегося привилегированным и не доступным для выходцев из социальных низов общества. Значительная доля населения Российской империи была неграмотна или образование завершалось несколькими классами церковно-приходской школы. Достаточно разветвленной до сложных событий Гражданской войны на полуострове, была система этноконфессионального образования, представленная крымскотатарскими, караимскими, еврейскими, крымчакскими,

армянскими, немецкими учебными заведениями. В целом, достаточной была численность профессиональных учебных заведений, представленных ремесленными училищами. Звено среднего образования было представлено как государственными, так и частными учебными заведениями, в частности успешно работала женская частная гимназия Станишевской. Источники финансирования являлись разнообразными: государственными, земскими, благотворительными. Данная модель образования, сложившаяся постепенно, в процессе развития общества подверглась коренной реорганизации. Большевистскими властями был сделан акцент на развитии начального образования, доступного максимально широким социальным слоям, широкого использования родного языка, борьбы с влиянием религии в школах и ликвидации неграмотности. Данные тенденции стали определяющими для всего межвоенного двадцатилетия

Экономическая разруха, продрозвёрстка 1921 года не оставили для школ практически никаких источников существования. Начало 1921 года характеризовалось стихийным открытием новых крымскотатарских школ. В 1921 году их насчитывалось 1232. В 1922 году их численность сократилась до 638, в 1923 году – 834, 1924 году – 846, 1925 году – 875 [2, с. 422]. Требования открытия новых крымскотатарских школ содержались еще в документах первого Курултая 1917 года. Здесь взгляды национального движения и большевиков совпали. Однако, материальные процессы внесли свои коррективы. В декабре 1921 года инструктор уездного наробраза Евпатории П. Стоев в отчёте по итогам обследования школ писал «...после действий продотрядов в дальнейшей помощи учителям было отказано из-за нехватки хлеба у населения. Учителя, не получающие помощи от населения, обречены на голод» [13, л. 38]. В докладной записке, адресованной в Крымревком, заместитель заведующего Крымнаробразом Л. Паперный указывал «...толпами приходят голодающие дети в колонии и приюты. В комнатах Соцвеса ежедневно толпятся истощенные голодом матери-вдовы, родители инвалиды, которые в полном отчаянии и муках просят принять их детей на содержание Государства. ...Армия голодающих детей возрастает с каждым днем и заполнила своим потоком все детские учреждения. В связи с этим несчастьем, которое надвигается, перед крымским отделом народного образования во всей огромной полноте встаёт вопрос о сохранении детей» [4, л. 2]. Голод привел к настоящей социальной катастрофе, от которой в первую очередь пострадала сфера образования, учебные заведения. Голод стал причиной гибели многих тысяч детей. Установить точную цифру числа умерших детей, вряд ли представляется возможным, учитывая состояние статистики, особенно в отдаленных регионах полуострова. Так, в статье за 1923 год «Голод в Крыму» Г. Кущенко отмечал «В Крыму среди сельского населения умерло от голода 51612 человек, среди которых 21292 ребёнка...Среди голодающих более половины приходится на долю детей до 16 летнего возраста» [19, с. 36]. Статистические данные приведены Б. П. Вологдиным в юбилейном сборнике «Весь Крым». Автор подчеркивает, что количество умерших от голода в Крыму в 1922 году составило 100–110 тысяч человек. Из них 50–55 тысяч городских жителей. Сокращение численности

населения в городах составило 24,6%, в селах – 18% [2, с. 38]. Голод крайне негативно отразился на школах, приведя к смерти, как учеников, так и учителей, массовом закрытии учебных заведений.

Голод и экономическая разруха лишили школы материальных источников для деятельности, прежде всего выплат учителям. В отчёте Крымского Совета Труда и Оборона констатировалось «С истощением продовольственных ресурсов, с усилением голода населения – учебное дело начало быстро затухать: голодающие дети перестали посещать школу, голодающие родители, которые с учетом закона 16 сентября 1921 года должны были обеспечивать продуктами сельских учителей, не в состоянии были выполнить своих обязательств. Среди учителей начался массовый уход из школ. Последние в большинстве своём остались на произвол вместе со школьным имуществом, библиотеками и школьными пособиями. Имущество некоторых школ расхищалось, всё деревянное шло на топливо, разбирались даже дома» [22, с. 181] Причина закрытия школ состояла в том, что государство сняло с себя финансирование учебных заведений, переложив его на жителей сёл в виде так называемого самообложения. Однако, население деревень было разорено гражданской войной, реквизициями продовольствия и голодом и выделить ничего не могло. Архивный документ свидетельствует, что «свыше 60% работников образования переведено с государственного продовольственного обеспечения на продпак из фондов самообложения сельского населения с учетом постановления СНК РСФСР от 15/IX – 1921 г. о обложении сельского населения на нужды народного образования, что для Крыма в его обстановке ужасного голода в селе является постановлением нежизнеспособным и неосуществимым» [18, л. 34]. В отчёте о деятельности Народного комиссариата просвещения Крымской ССР с ноября 1920 по январь 1922 года состояние школьного образования характеризуется так «...дефицит топлива, прекращение питания школьников, истощение учителей, которые не получают ни денег, ни пайков, – привело к тому, что много школ перестало функционировать совсем. Особенно тяжёлым является положение школ в сельской местности, там, где население голодает нестерпимо. Как оказалось, самообложение сельского населения провести невозможно. Закрытие школ (прекращение занятий) в сельской местности очень значительное. Сотни голодающих, иногда умирающих детей доставляются в Крым НКП» [16, л. 282].

Чтобы хоть как-то поддержать школы, Наркомпрос Крымской АССР реализовал программу деления школ на «твёрдую сеть» и «мягкую сеть». Школы так называемой «твёрдой сети» получали минимальную государственную финансовую поддержку. Иные школы должны были финансироваться за счет средств местного населения. В разгар голода в 1922 году в «твёрдую сеть» входила 581 школа первой ступени и 57 школ второй ступени [21, с. 69]. Значительное количество школ не вошло в «твёрдую сеть» и были закрыты в 1922 году. В докладной записке в ОК ВКП(б) поданной в декабре 1921 года нарком образования автономии Керим Хамзин так характеризовал состояние крымскотатарских школ «...школы ютятся в помещениях, которые скорее напоминают курятники, а не школьные здания...школы эти не оборудованы мебелью, не обеспечены ни

учебниками, ни учебными пособиями. Обычно дети сидят на земляном полу, подложив под себя халат, пишут на низеньких лавочках, иногда попутром для листа становится колено» [5, л. 82 об.]. Нарком К. Хамзин отметил, что в период с ноября 1920 по ноябрь 1921 года было создано порядка 500 крымскотатарских школ. Нарком требовал их закрытия. Причина состояла в том, что в большинстве случаев школы являлись конфессиональными, зачастую преподавателями в них являлись муллы. Наркомпрос не был в состоянии контролировать эти школы. Нарком Керим Хамзин указывал, что «...такая школа по нашему глубокому убеждению вредна, потому что она дискредитирует в глазах населения советскую власть своей бедностью и антипедагогической направленностью и не может быть проводником коммунистических идей в народных массах» [5, л. 82 об.].

Важным организационным аспектом в работе начальных и средних школ, стало проведение беспартийных конференций учителей. Именно они составляли основу интеллигенции, поскольку доля технической интеллигенции был существенно меньше. В 1920-х годах, значительная доля педагогов имела дореволюционное образование и была воспитана на идеях русской педагогики, идеях И. Гаспринского. На конференциях обговаривались наиболее актуальные вопросы, которые интересовали работников просвещения. Значительная доля из них, одновременно являлась и советскими служащими низового аппарата (председатели и секретари сельских советов). На протяжении 1923 года, усилиями крымскотатарской интеллигенции была возобновлена работа 204 начальных школ [21, с. 69]. Из общей численности в 785 школ – 329 были крымскотатарскими, что составляло 41,9% от общего количества школ. Количество школ стабилизировалось с улучшением экономических условий периода новой экономической политики. Нужно констатировать, что органы управления народным образованием стремились к максимальному увеличению сегмента начальных крымскотатарских школ и вовлечения детей в обучение. Однако, если количество начальных крымскотатарских школ развивалось достаточно динамично, то совершенно недостаточной была численность средних школ. В 1924 году их насчитывалось только четыре. Этого числа средних школ было совершенно недостаточно для охвата крымскотатарских детей образованием на родном языке. Возникло своеобразное противоречие между стремлением РКП(б) всесторонне контролировать процессы обучения и невозможностью выделить достаточное количество материальных ресурсов для учебных заведений. Сформировалась и ещё одна проблема в системе образования крымских татар межвоенного периода, которая существовала длительное время. Это дисбаланс между количеством начальных и средних школ. Число средних школ было недостаточно. Закончив школу первой ступени на родном языке, у школьников не было возможности продолжить образование дальше. Так, в 1923 году крымскотатарских школ второй ступени было только 4 или 8% [21, с. 165]. Всего в начале 1923 года обучалось 12617 учащихся. Работу проводили 410 учителей [14, л. 79]. Крымские татары были в основном, учащимися начальных школ. Одна из причин заключалась в том, что крымские татары являлись сельскими жителями, доля горожан среди общей

численности крымских татар не превышала четверти. Так, согласно данным городской переписи 1923 года в городах Крыма проживало 146285 русских, 39189 евреев и только 28225 крымских татар [1, с. 8]. С 1923 года постепенно активизируется методическая работа в крымскотатарских школах. Однако трудности в советских школах объяснялись, прежде всего, неготовностью учителей бывших конфессиональных школ использовать советскую методику обучения, основанную на коммунистической идеологии. Новациям в сфере обучения и преподавания мешала также финансовая бедность образовательных учреждений, что подтверждает отчет Бахчисарайского райОНО за 1923 год, где подчеркивается тот факт, «...методы преподавания используются старые...снабжение учебными пособиями – нищенское. Откровенно говоря, при условии недостатка материально-организационных предпосылок и при отсутствии подготовленных учителей и пособий, особенно татар и на татарском языке, в текущем году несвоевременным было коренным образом и резко ломать учебный план школы» [10, л. 47]. Бахчисарайский район был национальным крымскотатарским районом, для его сети школ были характерны общекрымские тенденции. В 1926 году из 54 школ района – 43 были крымскотатарскими. Помимо них, русских только 5 и 3 русско-татарские. Но на 54 школы первой ступени приходилось только 4 школы второй ступени. Фактически развивалась только система начального образования [9, л. 15 об.]. Указанного количества начальных школ было недостаточно. Значительная часть детей оставалась вне школы, неохваченная обучением. В докладе народного комиссара образования Крымской АССР за январь – июнь 1923 года констатировалось сложное положение: «существующая школьная сеть школ I ступени обслуживает только 45960 детей, в то время как в Крыму детей школьного возраста (от 9 до 12 лет) – 95370.

Таким образом, школы первой ступени обслуживают только 48% детей школьного возраста. Добавляя сюда и школы 2-й ступени, то есть считая школьный возраст от 8 до 16 лет, по всему Крыму 168868, получаем, что вся школьная система Крыма обслуживает всего 32,1% от общего количества детей» [14, л. 66]. Количество школ и обучающихся в них контингенты детей стабилизируются с преодолением последствий голода и укреплением материального положения. В 1924 году из 846 школ первой ступени крымскотатарских насчитывалось 351. Из общего количества учителей 2385 крымских татар – 503. В 1924 году насчитывалось 39385 учащихся, из них крымских татар – 15000, или 38,1% [6, л. 49]. Если сеть начальных школ развивалась достаточно динамично, то ситуация со школами второй ступени была значительно хуже. В 1924 году их насчитывалось всего 4. В Симферопольской опытно-показательной школе обучалось более 200 детей, в Феодосийской школе – 93 ребёнка, в Ялтинской – 180 учеников, в Керченской – 181 [3, с. 14]. По районам школы первой ступени распределялись следующим образом. В Бахчисарайском районе в 1924 году насчитывалось 44 школы с 68 преподавателями и 2429 учениками. В Джанкойском районе – 34 школы, 36 преподавателей и 852 ученика. В Карасубазарском районе – 28 школ, 45 учителей, обучалось 1016 учеников. В Севастопольском районе – 20 школ, 37 преподавателей

и 1191 учащихся. В Симферопольском районе функционировало 46 школ, 79 преподавателей и 2487 учащихся [11, л. 59].

Проблемы образования достаточно часто обсуждались на совещаниях партийных и советских органов. В ряде случаев, совещания созывались по национальному критерию. Были проведены крымскотатарские, еврейские, немецкие, болгарские, греческие, караимские и крымчакские совещания. В работе совещаний принимали участие прежде всего коммунисты соответствующих национальных секций крымского обкома партии. Национальные секции выступали в качестве своеобразного «приводного ремня» между органами власти и национальными общинами со своими специфическими интересами, где запросы на проблематику образования были очень различными. Так, для цыган Крыма важной была задача создания хотя бы одной начальной школы, а для немцев – восстановление ранее закрытых школ первой и второй ступени, которых насчитывалось более 250. Во второй половине 1920-х годов, важной формой работы стало проведение беспартийных конференций, которые в ряде случаев, определялись как крестьянские. На беспартийные конференции готовили подборку наиболее важных вопросов для данной национальной группы и так обязательно присутствовал вопрос состояния образования на родном языке. Так, в частности, наиболее острые вопросы развития национального образования обсуждались на Всекрымском совещании татарских работников-коммунистов, которое проходило 25–27 октября 1924 года. С докладом о работе Народного комиссариата просвещения Крымской АССР выступил народный комиссар Усеин Балич. Он отметил, что в крымскотатарских сёлах присутствует огромное стремление к созданию школ и их поддержке. Другой докладчик, Исмаил Фирдевс, обратил внимание на тот факт, что среди педагогов крымскотатарских школ много людей прежней формации и мулл [6, л. 40 об.]. И. Фирдевс отмечал: «среди крестьян в данный момент существует стремление создавать собственные школы. Это ставит РайОНО в безвыходное положение, поскольку приведёт к расслоению и созданию конфессиональных школ...Также везде поднимается вопрос о преподавании русского языка в татарских школах. Мы не можем строить исключительно татарскую школу второй ступени. Нам необходимо, чтобы русский язык занял ведущее место, иначе татарин и далее будет отставать» [6, л. 40 об.]. Схожая проблема существовала и для немецких школ Крымской АССР. Национальные немецкие школы формировали у молодежи этническое самосознание, знание родного языка, что не позволяло активизировать процессы ассимиляции немецкого национального меньшинства. Однако, во многих случаях немецкие школы были буквально под одной крышей с кирхой или молитвенным домом. Кюстер одновременно выполнял обязанности учителя в немецкой школе. Данная проблематика также обсуждалась не только на партийных и советских, а также просвещенческих конференциях.

С укреплением материального положения динамика роста числа школ становится очевидной. Если в 1924 году насчитывалось 348 крымскотатарских школ, что составляло 43,9% от общего количества начальных школ, то в 1925 году в

343 государственных крымскотатарских школах первой ступени обучалось 18140 учеников [2, с. 425]. Тогда как в 1925/26 учебном году таких школ насчитывалось уже 359, а в 1926/27 – 360. Школ второй ступени насчитывалось значительно меньше. В 1924/25 учебном году только 11, в 1925/26 году – 14 и в 1926/27 году – 17 [12, л. 28–29]. Существовал явный дисбаланс между школами первой и второй ступени. Школы повышенного типа требовали значительно больших материальных затрат, а плату за обучение могли вносить далеко не все семьи. Ситуация изменится в 1930 году, с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О режиме в начальной и средней школе». Данным документом было введено обязательное всеобщее начальное образование, что значительно расширило в Крымской АССР контингент для средних школ, бывших сначала в объёме семи лет, а затем девяти лет.

Увеличивавшуюся сеть школ необходимо было обеспечивать учебниками, литературой, программами. С тем, чтобы хотя бы частично разрешить данную проблему, в сентябре 1923 года председатель СНК Крымской АССР Сахиб Гирей Саид-Галиев и нарком образования Мухитдинов обратились за помощью в Наркомпрос РСФСР «Вопрос об издании татарских учебников для татарских школ с 30000–50000 учеников является вопросом жизни и смерти Крымнаркомпроса... Наркомпрос наметил на ближайшее время к изданию только те из элементарных пособий, без которых татарская школа превратится в пустое место» [15, л. 348]. Крымским народным комиссариатом просвещения была сделана значительная работа по подготовке учебников, создания авторских коллективов, налаживания полиграфической базы. Творческие коллективы были образованы для подготовки учебников для крымскотатарских, караимских, крымчакских школ. Значительная доля тиражей Крымгосиздата состояла из учебной литературы. Учебники для армянских, греческих, болгарских, немецких школ завозились из-за пределов республики, центров книгоиздательства для данных народов. Начато издание светской литературы, поскольку ранее доминировала литература светского характера: «На протяжении шести лет Крымнаркомпросом изданы почти все учебники для татарских школ I ступени: учебники родного языка, математики, географии, природоведения, т.е. школы I ступени обеспечены на 80% и школы II ступени некоторыми учебниками по зоологии, геологии, физике...если в 1923 году, было издано всего по Крыму 52 печатных листа, то в 1926 году 287 печатных листов» [12, л. 32].

Одной из сложнейших задач в сфере сегмента национального образования было создание школ второй ступени и профессиональных учебных заведений, материальная база для которых сформировалась со стабилизацией экономики. В результате разноплановой подготовительной работы были созданы крымскотатарские, немецкие, армянские, греческие школы второй ступени. Особый акцент был сделан на создании крымскотатарских школ второй ступени и профессионально-технических учебных заведений в рамках политики коренизации, которая в Крымской АССР получила официальное название татаризации. В 1926 году функционировало 14 крымскотатарских школ второй ступени, в которых обучалось 2291 учащийся. Из них по социальному составу преобладали дети

крестьян – 1509 учеников, или 65,8%; детей рабочих было 253 или 11,1% [11, л. 57]. Школы второй ступени готовили абитуриентов в техникумы и высшие учебные заведения. Крымская экономика во время НЭПа требовала всё больше и больше квалифицированных специалистов. Принимая участие в культурно-образовательных процессах, представители старшего поколения крымскотатарской интеллигенции чётко понимали задачи, которые стояли перед ними, руководствуясь идеями еще периода Гражданской войны. Один из лидеров партии Милли-Фирка так формулировал эти задачи «для налаживания своей государственной экономики крымским татарам понадобится много людей как для культурно-национального творчества, так и для просветительской работы среди масс татарского населения. Крымским татарам угрожает не только вырождение, но и окончательное исчезновение, если в момент, подобный этому, они отстанут от других народов и не смогут могучим напряжением сил выдвинут из своей среды кадры культурных работников и борцов за светлое будущее своего народа» [15, л. 17]. Однако такая трактовка просветительно-образовательных процессов к рубежу 1920–1930-х годов вступила в противоречие с государственными тенденциями в школах. В работе школ акцент был сделан не на национальном, а интернациональном воспитании, формировании общности советских людей. Организационно-методические установки предполагали работу не национальных школ, а школ с родным языком обучения.

Работа школ межвоенного периода выходила далеко за пределы получения формального образования детьми. Просвещение и образование стали важнейшим направлением модернизации мусульманского общества в Крымской АССР. Модернизации в её советском варианте и трактовке. На страницах крымской периодики часто можно было встретить мысль о том, что крымские татары отстали в своем развитии, вследствие угнетения самодержавием. Просвещение должно ликвидировать это отставание и сформировать новое поколение советской интеллигенции, преданное идеалам создания нового коммунистического общества. Старшее поколение национальной интеллигенции, расценивалось как не лояльное в отношении советской власти и с нею мирились временно. Крымскотатарская интеллигенция была представлена, прежде всего, учителями школ, для которых свойственным был дух патриотизма. Глубокое национальное самосознание. Абибулла Одабаш писал: «Я считаю своей обязанностью работать за свой народ, который отстал от других во всех отношениях, я это считаю своей священной обязанностью» [7, л. 4].

В целом, динамика образования крымских татар, в общем сегменте школ, до 1928 года формировалась следующим образом. В 1927/28 учебном году насчитывалось 372 школы I ступени в которых обучалось 18799 учащихся. Школ II ступени 14 с 2551 учащимся. Функционировало 3 школы крестьянской молодёжи, в которых обучалось 152 учащихся. Было создано и вело работу 3 крымскотатарских техникума со 445 учащимися. В 2 профшколах обучалось 246 учеников. Для подготовки крымских татар в высшие учебные заведения был образован рабочий

факультет со 182 студентами. В Крымском педагогическом институте обучалось 38 студентов крымских татар [8, л. 12].

Существенным фактором, определявшим развитие школьного образования, являлся материальный. Создание новых учебных заведений, ремонт школ, подготовка педагогов, издание учебников требовало финансовых ресурсов. Военные действия, разруха, голод катастрофически сказались на материальном положении школ. В отчёте Наркомпроса РСФСР за 1923/24 учебный год положение дел характеризовалось так «В 40% школ учителя получали 17–18% зарплаты довоенного времени (5–6 руб); 30–40% школ, которые работали на договорах, оказались в очень тяжелом положении, потому что в большинстве случаев население договоров не выполняло и учителя существовали на «самопаше», школьные здания или требовали капитального ремонта, или в большом проценте были непригодны к школьной работе; новые учебники, пособия, если даже и издавались в центре, до низовой школы не доходили» [20, с. 57].

Перед Наркомпросом Крымской АССР существовал целый комплекс финансовых проблем. Достаточного количества средств на содержание школы не было. Выход из сложной экономической ситуации был найден за счет введения частичной платы за обучение, в дополнение к разделению школ на заведения «твёрдой сети» и договорных школ. «Твёрдая сеть» была тем минимумом образовательной системы, которая должна быть сохранена и не подлежать сокращению. Эта сеть финансировалась государством. Прежде всего, государственные органы стремились сохранить школы различных народов, проживавших в Крымской АССР. Так, по предложению наркома Решада Ногаева, с целью сохранения национальных учебных заведений в государственный бюджет было заложено финансирование на 1924/25 учебный год для Тотайкойского педагогического техникума, Бахчисарайской художественно-промышленной школы, Карасубазарского сельскохозяйственного техникума, Каратобейской сельскохозяйственной школы, Дереккойского техникума специальных культур, Симферопольского татарского фельдшерско-акушерского техникума [17, л. 211].

Недостаток финансово-материальных ресурсов сдерживал введение всеобщего начального образования для крымскотатарских детей. Так, в Симферополе всеобщее начальное обучение планировалось ввести в 1928 году. В последующем срок изменили на 1929 год. В мае 1926 года в Крымской АССР была проведена первая Всесоюзная перепись населения. В соответствии с полученными результатами в Симферополе насчитывалось 5809 детей школьного возраста, а обучалось в школе 3724 ребёнка, т. е. 64%. В школу необходимо было принять 2200 детей, а количество фактических мест составляло только 1320. Таким образом, порядка 900 детей не могло быть принято в школы из-за отсутствия фактических мест для их размещения. Важнейшая причина существовавшего положения, отсутствие денег на расширение школ. Однако вопрос о введении всеобщего начального образования обсуждался с 1923 года. В январе 1924 года в Крымской АССР была проведена школьная перепись. Согласно её результатам, среди подростков в возрасте от 7 до 14 лет в городах обучалось 32,5%, а в сельской

местности – 27,7%. Из детей школьного возраста от 8 до 11 лет обучалось 57,4%. Для осуществления всеобщего начального образования в объёме 4-х летней школы общее количество мест должно было быть увеличено на 70%, а для семилетней школы – на 127% [3, с. 26]. Главным препятствием на пути быстрого введения всеобщего обучения был недостаток финансовых ресурсов и отсутствие школьного капитального строительства.

Таким образом, 1920-е годы стали временем огромных организационных, методических, финансовых изменений для школ. Существенно изменялась их численность, общественные катаклизмы крайне негативно сказались на их работе. Однако в двадцатых годах крымскотатарские, немецкие, караимские, крымчакские, греческие и болгарские школы были национальными школами, где присутствовали идеи национального просвещения и возрождения. Значительная доля педагогов была воспитана и сформировалась под влиянием идей И. Гаспринского.

1920-е годы в развитии школьного образования очевидны как негативные, так и позитивные черты. В 1923–1928 годах сложилась особая социокультурная обстановка. Она характеризовалась относительной свободой творчества интеллигенции, большую часть которой составляли педагоги. Вопросам развития школьного образования в рамках политики коренизации уделялось значительное внимание. С ноября 1924 года народным комиссаром просвещения был Усеин Балич. У. Балич, будучи выходцем из партии «Милли-фирка», понимал, что модернизировать традиционное общество можно через развитие образования и его расширения на различные слои населения. Рассматриваемое десятилетие стало периодом расцвета литературы, поэзии, театра. Активно и плодотворно работало поколение, которое получило образование в Турции: Бекир Чобан-заде, Абдулла Лятиф-заде, Амди Гирай-бай, Абибулла Одабаш. Сдерживающим, негативным фактором в развитии был недостаток финансово-материальных средств, выделяемых из государственного бюджета. Ни выделение земли для школ в сёлах, ни частичная плата за обучение кардинально вопросы финансирования решить не могли. Существовал разрыв между лозунгами, декларациями в области культурного строительства и реальным положением дел. Советская власть стремилась разрешить противоречия между платностью обучения и социальным составом учащихся. Финансовых ресурсов на содержание школ, особенно второй ступени, хронически не хватало. Поэтому Наркомпрос вынужден был взимать плату. Внести её могли, в основном, только дети «социально чуждых» слоёв населения. По мнению властей, такие ученики только «засоряли» школу. Чтобы разрешить данное противоречие, в сентябре 1928 года, во время приёма в школы первой ступени был введён принцип социального отбора учащихся.

Список использованных источников и литературы

1. Бюллетень Крымского центрального статистического управления. – 1923. – № 1. – 96 с. *Byulleten' Krymskogo TsSU.* – 1923. – №1. – 96 s.
2. Весь Крым: юбилейный сборник. 1920–1925. – Симферополь, 1926. – 572 с. *Ves' Krym: yubileinyi sbornik.* 1920–1925. – Simferopol', 1926. – 572 s.

3. Вологдин Б. Народное образование в условиях осуществления всеобщего обучения в Крыму. – Симферополь, 1925. – 31 с.
Vologdin B. Narodnoe obrazovanie v usloviyakh osushchestvleniya vseobshchego obucheniya v Krymu. – Simferopol', 1925. – 31 s.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. П-1, оп. 1, д. 57.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. P-1, op. 1, d. 57.
5. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 65.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 65.
6. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 358.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 358.
7. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 382.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 382.
8. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 813.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 813.
9. ГАРК, ф. П-100, оп. 1, д. 60.
GARK, f. P-100, op. 1, d. 60.
10. ГАРК, ф. Р-1622, оп. 1, д. 1.
GARK, f. R-1622, op. 1, d. 1.
11. ГАРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 25.
GARK, f. R-20, op. 3, d. 25.
12. ГАРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 47.
GARK, f. R-20, op. 3, d. 47.
13. ГАРК, ф. Р-4025, оп. 7, д. 46.
GARK, f. R-4025, op. 7, d. 46.
14. ГАРК, ф. Р-460, оп. 4, д. 445.
GARK, f. R-460, op. 4, d. 445.
15. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 208.
GARK, f. R-652, op. 1, d. 208.
16. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 47.
GARK, f. R-652, op. 1, d. 47.
17. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 611.
GARK, f. R-652, op. 1, d. 611.
18. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 82.
GARK, f. R-663, op. 1, d. 82.
19. Кущенко Г. Голод в Крыму // Вестник административной жизни Крыма. – 1923. – № 2.
Kushchenko G. Golod v Krymu // Vestnik administrativnoi zhizni Kryma. – 1923. – № 2.
20. Народное образование в РСФСР к 1924/25 учебному году. – М., 1925. – 252 с.
Narodnoe obrazovanie v RSFSR k 1924/25 uchebnomu godu. – M., 1925. – 252 s.
21. Отчёт Крым ЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений КрССР III Всекрымскому Съезду Советов. – Симферополь, 1923. – 417 с.
Otchet Krym TsiKa, Sovnarkoma, Narkomatov i Gosuchrezhdenii KrSSR III Vsekrymskomu S"ezdu Sovetov. – Simferopol', 1923. – 417 s.
22. Отчёт Совету труда и обороны. На 1 апреля 1922 года. – Симферополь, 1922. – 215 с.
Otchet Sovetu truda i oborony. Na 1 aprelya 1922 goda. – Simferopol', 1922. – 215 s.

Kondratjuk G. N. The development of school education in the Crimean ASSR in the 1920s

The article analyzes the main trends in the development of public education in the Crimean ASSR in the interwar period. The beginning of the 1920s was characterized by fundamental transformations in the school system. Gymnasiums and colleges were replaced by new types of educational institutions – Soviet labor

schools of the first and second levels. The 1920s were a time of large-scale pedagogical experiments. The classroom-lesson system of organizing the educational process was replaced by the brigade-laboratory method, the system of projects, the Dalton plan. The school has acquired a secular character, the composition of the teachers has changed quite significantly. One of the most difficult problems in the work of schools was the lack of budgetary funding. Lack of funds led to the fact that a third of school-age children were outside the educational institutions.

Keywords: Crimean ASSR, school education, national schools.